

Адраджэння і «права людзьмі звацца»: *«На сход, на ўсенародны, грозны, бурны сход // Ідзі разграблены, закованы народ! // Як роўны ідзі жыхар між роўных жыхароў, // Ададай на суд свае ўсе крыўды, слёзы, кроў... // Аб вечным катаванні, здзеку далажы // І пакажы на курганы і на крыжы. // Ададаці ўсё на суд, на ўсенародны сход // Ідзі, аграблены, закованы народ!»*[1].

Падобным чынам, да беларускага народнага сходу, яшчэ раней, у XIX ст. паклакала «Мужыцкая праўда» – беларускамоўная газета Кастуся Каліноўскага. У «Мужыцкай праўдзе» і «Лістах з-пад шыбеніцы» Кастусь Каліноўскі кліча народ аб'яднацца на народным сходзе, каб дамагчыся братэрскага адзінства беларусаў.

Папярэджвае «Яська-гаспадар з пад Вільні», што Расійская імперыя імкнецца забіць у беларускім народзе ўсё беларускае, а таксама пасварыць і ўнесці раскол паміж этнасамі былога Вялікага Княства Літоўскага. Звяртаючыся да народаў зніклага княства, Каліноўскі заклікае народы Цэнтральнай Еўропы быць роўнымі, а не ворагамі, змагацца за роўнасць і вызваленне ад няволі царскай, а не адзін супраць аднаго: *«О, загрыміць наша праўда і, як маланка, пераляціць па свеце! А праў ты ў тым, што народ павінен быць вольны, бо Бог стварыў усіх людзей вольнымі і ўсім даў адзінакую душу»*[2].

На гэтым не скончыліся гераічныя змаганні за свабоду, што пераканаўча паказана ў вершы Янкі Купалы, прысвечаным падаўленаму паўстанню 1863-64 гг «Перамога пераможаных»: *«Мала вас, мала было паміж намі; // Сільны яшчэ быў наш блуд і туман кругом нас! // Вы, перамогі ўсё, узяліся арламі, // Бліскам былі нам, тым бліскам, што гас і не згас. // Грозна нясліся магутныя вашыя клікі; // Нават каменныя душы скідалі свой сон; // Радасцю дзіўнай звнёў ваш край бедны, вялікі... // Сіл не хапала... запёў пахаронны вам звон. // Свежыя насны мураўка яшчэ не накрыла, // Жвір толькі свеціцца, змыты сцюдзёным дажджом... // Спіце! Мы вашых навек не забудзем магілаў; // Збуджаны вамі, мы ўскрэслі, мы больш не заснём!»*[1,2].

Новы Сход адбыўся 24-25 сакавіка 1918 г., калі было абвешчана стварэнне Беларускай Народнай Рэспублікі (БНР), аб незалежнасці і дэмакратычнай Беларусі. Абвяшчэнне БНР – вельмі важная падзея ў беларускай гісторыі. Яе духоўны сэнс заключаўся ў тым, каб вярнуць народу адабраны ў яго імперскай сілай родную беларускую мову, гісторыю народа і каб адрадыць беларускую культуру. Нягледзячы на трагічны лёс БНР, да ўпадку якой прыкладзі руку бальшавікі і пілсудчыкі падчас Рыжскай мірнай дамовы 1921 г., яна і зараз працягвае сімвалізаваць дзяржаўнасць і незалежнасць Беларускай Рэспублікі. Невядома, як бы склаўся лёс беларускага народу, калі б не БНР. Менавіта БНР абудзіла ў сэрцах беларусаў дух патрыятызму і свабодалюбства. Яны марылі аб свабоднай Беларусі і змагаліся за яе. Гэта беларуская патрыятычная інтэлігенцыя, змагары за беларускасць, за развіццё беларускай культуры і за ўкараненне беларускай мовы, якая выстаяла перад гвалтоўнай русіфікацыяй, прайшла разам з жыхарамі пакутны шлях праз прыніжэнні, здзекі, пераадоўваючы прымусы і дэспатызм, з гордым вялікім пачуццём свабоды і з непрымірэнчым стаўленнем да тыраніі.

Гісторыя абвяшчэння БНР шмат значыць для нашай краіны, яна і па сёння актуальная для беларускага народа, бо, менавіта дзякуючы БНР захавалася Беларусь, за якую змагаліся нашы продкі-ліцвіны, рыцары Вялікага Княства Літоўскага, затым Янка Купала, Якуб Колас, Уладзімір Караткевіч, Вацлаў Ластоўскі, Францішак Багушэвіч, Вінцэнт Дунін-Марцінкевіч, Максім Багдановіч, Васіль Быкаў – апосталы беларускага народа.

У 1993 г. здзейсніліся прароцтва і бачанне Янкі Купалы аб паходзе беларусаў на «Усенародны сход» - першы сход беларусаў свету (Мінск, 8-10 ліпеня 1993 г.), названы Вялікім Сходам, а таксама «Згуртаванне беларусаў свету «Бацькаўшчына»», з мэтай аб'яднання беларусаў усяго свету і нацыянальнага адраджэння Беларусі. Гістарычны сэнс Вялікага Сходу – вяртанне беларусам іх гістарычных каштоўнасцяў, беларуская нацыянальная самасвядомасць, духоўнае адзінства самасвядомых беларусаў, здабыццё сваёй Маці-Айчыны, што адлюстравана ў вершы Янкі Купалы «А хто там ідзе?»: *«А хто там ідзе, а хто там ідзе // У агромністай такой грамадзе? // — Беларусы. // А што яны нясуць на худых плячах, // На руках ў крыві, на нагах у лапцях? // — Сваю крыўду. // А куды ж нясуць гэту крыўду ўсю // А куды ж нясуць на паказ сваю // — На сьвет цэлы. // А хто гэта іх, не адзін мільён, // Крыўду несць наўчыў, разбудзіў іх сон? // — Бяда, гора. // А чаго ж, чаго хацацелься ім, // Пагарджаным век, ім, сляпым, глухім? // — Людзьмі звацца [3]».*

Пра непераможную і неразбуральную сілу беларускай мовы, адраджэнню і вяртанню якой былі прысвечаны народныя вялікія сходы, піша аўтар трылогіі «Пакутны век» і твора «Абярэг» Васіль Якавенка:

«Беларуская мова ніколі не загіне ў Свеце, таму што яна – пачатак новага Свету, і брама ў яго, і яго крыніца»[4].

Спіс літаратуры:

1. Адамчык, М. Беларуская літаратура / М. Адамчык. – Мінск : Сучасны літаратар, 2004. – 1008 с.
2. Чаропка, В. Героі паўстання 1863 года / В. Чаропка. – Мінск : Харвест, 2016. – 336 с.
3. Конон, В. Великий сход : Первый Всебелорусский форум: политический и духовный смысл / В. Конон // Неман / Саюз бел. Письменнікаў. – 1993. – № 11. – С. 153–161.
4. Якавенка, В. Абярэг / В. Якавенка. – Мінск : Медысонт, 2017. – 372 с.

Чжу Гэлимэн

ПРОБЛЕМА ЖИЗНИ И СМЕРТИ В ИСТОРИИ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Проблема осмысления вопросов жизни и смерти занимает значимое место в культурах Востока и Запада. В XXI в. в условиях интенсивно развивающихся межгосударственных культурных связей возрастает взаимный интерес к изучению национального наследия и традиций. Данные аспекты нашли отражение в предложенной статье.

Zhu Gelimeng

THE ISSUE OF LIFE AND DEATH IN THE HISTORY OF CHINESE CULTURE: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT

The problem of understanding the issues of life and death takes a significant place in the cultures of the East and the West. In the 21st century, in the context of intensively developing of international cultural ties, mutual interest in the study of national heritage and traditions have been growing. These aspects are reflected in the proposed article.

Характерной особенностью современной жизни является стремление различных стран и регионов к интеграции культур, изучению национальных традиций и опыта художественного творчества в новых исторических условиях, которые характеризуются существенным усилением культурного взаимодействия. Тема жизни и смерти всегда интересова и притягивала человека. Человек – часть живой природы, которая подчинена не только биологическим, но и общественным законам. Человеку дана возможность выработать свое отношение к миру и себе. Все живое имеет бессознательное закономерное движение к смерти, уничтожению, а человек – осознанное отношение к смерти, и для него смерть становится предметом забот, тревог, размышлений. Наряду с осознанным отношением к жизни, способностью ощутить ее в духовном переживании, полноте ощущений, неизбежно возникает отношение к смерти, как к ее безысходному завершению.

Вопрос об отношении человека к смерти связывают с чувством страха, тревожного ожидания. Отношение к смерти есть одно из самых устойчивых в истории представлений, эмоций, изучение которых позволяет выявить определенные закономерности и тенденции в формировании жизненных установок и моделей поведения человека. Смерть – один из самых неразгаданных феноменов, постоянно привлекающих и гипнотизирующих человеческую мысль. Смерть есть тайна, о которой известно только то, что она существует. Она лишена возможности познания, переживания, ощущения, что порождает особое отношение к смерти в истории развития человеческого мироощущения.

Проблема осмысления вопросов жизни и смерти занимает большое место в культурах Востока и Запада. Еще с первобытных времен человечество волновали вопросы, связанные с существованием «этого и другого миров». У народов разрабатывались свои собственные обряды и проводились ритуалы долголетия для урегулирования отношений между данными двумя мирами. Смерть представителя любой культуры запускает механизм сложных действий, поэтому человек вынужден обращаться к проблеме смерти, ее осмыслению и оформлению в разных культурах, к социально-психологическим и историческим аспектам.

Идея души умершего, идея мифологических образов тотемических предков и идея семейно-родового покровителя являются основой для возникновения и развития культа предков древнего китайского народа. Культ предков оказал решающее влияние на характер китайской общественной структуры и формирование социальных отношений [1, с. 126]. Древние китайцы думали, что после смерти предки становились божествами, которые были способны оказывать значительное влияние на судьбы живущих потомков в этом мире. Поэтому по праздникам и дням смерти предков люди устраивали определенные обряды в честь умерших и благодарили за их милость, что являлось выражением сыновней почитательности. В повседневной жизни китайского этноса важнейшую роль играют три события, в которых в полной мере выражаются мифо-религиозные представления народа – похороны, свадьба и храмовые празднества. В каждом из них воплотились три идеологических учения Китая – конфуцианство, буддизм и даосизм. Китайское учение – это учение порядка и долга. В Древнем Китае отношение к верховному богу Шанди как первопредку, который должен заботиться о благополучии своего народа, обозначалось, с одной стороны, почитанием предков и традиций, с другой – усилением рационального начала в отношении к жизни, но не ради будущего спасения, а потому что это обязанности человека.

Представления о смерти определяли особый круг действий и определенные роли членов коллектива. С момента наступления смерти в сознании членов семьи начинали бороться две противоположности. С одной стороны человек, став не таким, каким он был, вызывал отторжение или даже боязнь и желание оградить его или оградиться от него. С другой стороны, родственники осознавали, что этот человек был определенным звеном в жизни коллектива, и он должен быть погребен с определенными почестями. Смерть члена общества приводила к изменению отношения к нему со стороны живых и соответствовала их представлениям о кончине [2, с. 22]. Как отмечает Е. Новик, «покойный получал иной статус, соответственно менялась и система взаимоотношений между ним и коллективом» [3, с. 186]. Благодаря этим представлениям, складывалась система обряда, связанная с защитой живых от мертвых и заботой живых об умерших.

Смерть опустошает мир живых, образует в нем беспорядок, нарушает нормальный ход жизни. Образующаяся пустота (отсутствие в умершем жизненных сил) может быть занята вредоносными существами иного мира. Поэтому реализовывался принцип, заключающийся в разграничении пространства мертвых и живых, защите от покойника и обеспечении правильной загробной судьбы. Другой важнейшей задачей являлась реализация социального механизма, помогающего снять сильный эмоциональный накал, порвать связь с мертвецом и в то же время сохранить связь с предками. На всем этапе реализации погребального обряда происходит многократное повторение послания умершему в виде зеркальной модели противопоставления. На первом уровне человеку противостоят сам умерший, на втором – дом и могила, на третьем – поселение и кладбище, на четвертом – мир живых и мир предков [4, с. 30].

Китайцы верили в то, что смерть представляет собой всего лишь состояние приостановленной деятельности, когда душа покидает тело, но может вернуться туда даже спустя длительный срок, потому не торопились с погребением: кормили труп; поднявшись на крышу, громко зывали к душе, умоляя ее вернуться. И только убедившись в том, что душу не удастся уговорить вернуться в тело, они помещали покойного в гроб и хоронили. При этом его обеспечивали всем необходимым для обычной жизни (едой, одеждой, женой, слугами, разными необходимыми вещами). С точки зрения китайцев, жизнь умершего продолжалась и на том свете.

Мифологические представления о смерти и потустороннем мире в Древнем Китае складывались на основе легенды, что мир состоит из подземного царства, земли, на которой существует все живое и смертное, и из 36 небес. На самом верхнем, 36-м небе в роскошном дворце восседает на троне Верховный владыка, Нефритовый государь. Лицо его ничего не выражает, что является признаком истинного величия: и доброе слово, и слово, за которым следует казнь, он произносит бесстрастно. Он никогда не спит и управляет небесами, подземным миром и Поднебесной. Ворота дворца бесценно охраняет самый главный полководец Нефритового государя Ван Лингуань, что означает «чудесный чиновник Ван». В его руках кнут или палка, чтобы отгонять духов. При дворе Нефритового государя существуют министерства грома, огня, моровых поветрий и пяти священных пиков, чьи вершины возвышаются над Поднебесной. Четыре священных пика расположены по сторонам света, пятый – в центре. На них живут духи, которые носят титулы шэнди – святые государи. Каждый выполняет свои обязанности. Божество восточного пика ведало судьбами людей. На каждого рождающегося китайца там заводится нефритовая табличка и кладется в золотую шкатулку. На табличке записана вся предстоящая жизнь и ее срок. Святой государь западного пика владел всеми металлами, а также птицами, северного – реками, а также дикими зверями, пресмыкающимися и насекомыми, южного – полями на земле, звездами на небе, рыбами и драконами. На срединном пике восседал государь, ведавший реками, каналами, болотами, а также всеми деревьями.

Рисунок 1 – Нефритовый император (Юй-ди). Его изображают как беспристрастного мудреца, который правит небом и землей

В Древнем Китае были уверены, что и на небе существует иерархия, подобная земной. Императоры наследуют верховную власть, духи «продвигаются по службе», получая звания. Земные императоры считались сынами неба, а их полководцы, управители и чиновники неограниченно властвовали над простыми людьми.

В Древнем Китае существовали представления о шести формах перерождения, которые назначались умершему. Те, кто в жизни творил только добро, рождаются вновь в облике князей, полководцев и сановников, менее добродетельные – в облике купцов, ученых, ремесленников и земледельцев либо вдов, бездетных, сирот. Наказанием считалось рождение в облике животных, птиц и насекомых или пресмыкающихся [5].

По древнекитайским представлениям, души умерших отправляются к Желтому подземному источнику, или в местность Хаоли, или на гору Тайшань, а их судьбу вершат духи земли и гор. В IV–VI вв. у мудрецов даосов упоминается Лофэн – столица подземного царства, находящаяся на горе на крайнем севере, позднее – шесть небесных дворцов, по которым распределялись души умерших. В IX в. появилось описание 24 подземных судилищ на горе Фэнду. У китайских буддистов в это время появляется представление о десяти залах Диюя. В XIII–XV вв. складывается иерархия божеств загробного мира во главе с верховным владыкой Юй-ди, которому подчинен бог мертвых Дицзан-ван (китайская версия буддийского бодхисаттвы Кшитигарбхи).

Ад в представлении китайцев делился на десять областей, каждой из которых управлял свой начальник. Все они подчинялись владыке преисподней – Дицзан-вану. Дицзан-ван изучал книгу, в которую заносились все человеческие поступки, и в соответствии с прегрешениями души направлял ее в одну из десяти областей ада. Дицзан-ван изображается стоящим, реже сидящим в одеянии китайского буддийского монаха с бритой головой. В правой руке он держит металлический посох с надетыми на него шестью оловянными кольцами, которые позванивают при ходьбе. В левой руке у него жемчужина, свет которой

освещает дороги в подземном мире.

В китайских мифах рассказывается о том, что в подземном царстве существует десять судов, которые судят души умерших. Возглавляет эти суды бог Яньло-ван. Он рассматривает, сколько хорошего и сколько плохого сделал человек за всю свою жизнь, и потом отправляет его к другим богам для наказания в преисподней. Восемь царей судебных дворов наказывают души, а девятый правитель определяет, в какое тело каждая душа вселится при следующем рождении. Преступников ожидают ужасные пытки, если чиновник плохо работал, то его заставляют глотать расплавленное золото, а самых злостных преступников окунают в кипящее масло [5].

Смерть вызывала беспокойство у древних китайцев не только потому, что ее боялись, но главным образом потому, что их занимал вопрос сохранения существующего порядка, непрерывности жизни – того, что подрывала и нарушала смерть. Чтобы сохранить структуру всего сущего, было необходимо включить смерть в вечный и неизменный порядок. Поэтому надо было заботиться об умерших, исполняя особые ритуалы, религиозно-магические действия, вознося молитвы.

Таким образом, уважительное отношение к смерти и к умершим присуще лишь тем обществам, в которых заложено уважительное отношение к человеку как к самоценной индивидуальности, существование которой значимо не только для близких, но и для общества в целом. Человека можно и должно уважать и в жизни, и в смерти, и в этом уважении жизнь и смерть неразличимы. Но само это уважение представляется фактором длительного развития культуры, ее многовековых гуманистических традиций. Мы не живем, чтобы умереть, но думаем о смерти, чтобы развернуть и развить жизненные потенции в максимально возможных границах и до бесконечно глубокой интенсивности.

Список литературы:

1. Чэ, Тунбо. Концепция сыновней почтительности и обряды-просьбы о рождении сына в китайской культуре / Чэ Тунбо // Молодежь Забайкалья : мир человека и человек мира : матер. междунар. конф. – Чита, 2009. – С. 125–127.
2. Леонова, Н. Погребение как объект формального анализа / Н. Леонова, Ю. Смирнов // Краткие сообщения Института археологии. – 1977. – № 148. – С. 16–23.
3. Новик, Е. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме / Е. Новик. – М. : Наука, 1984. – 304 с.
4. Семенова, В. Мировоззренческие истоки погребальной обрядности в культуре народов Западной Сибири в эпоху средневековья / В. Семенова : автореф. дис. ... д-ра культурологии. – Томск, 2006. – 47 с.
5. Рифтин, Б. Китайская мифология [Электронный ресурс] / Б. Рифтин. – Режим доступа: <http://www.symbolarium.ru>. – Дата доступа: 10.02.2018.

Сяо Жань

ЛУШЕН – ДУХОВНЫЙ СИМВОЛ НАРОДНОСТИ МЯО – В ПУБЛИКАЦИЯХ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Доклад посвящен лушену – традиционному музыкальному инструменту народа мяо. Автор показывает, как, благодаря исследованиям фольклористов Китая, постепенно расширяется знание об этом инструменте и его значении в жизни современного Китая.

Xiao Zhan

LUSHEN - THE SPIRITUAL SYMBOL OF THE MIAO PEOPLE - IN PUBLICATIONS OF CHINESE RESEARCHERS

The paper is devoted to lushen, traditional musical instrument of the Miao people. The author shows how thanks to the researches of Chinese folklore, knowledge about this tool and its importance in the life of the people is gradually expanding.